

И.А. Шкурихин (Томск)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Шкурихин
И.А.

аспирант ТГУ, г. Томск

В настоящей работе мы сосредоточимся на выявлении коммуникативных стратегий оппозиционных партий в Государственной Думе Томской области (далее – ГД ТО), анализе их содержания и соотношения друг с другом в системе внутрипарламентских коммуникаций.

Внутрипарламентские коммуникации согласно логике парламентаризма должны подчиняться демократическим принципам организации. Неоспоримо, что парламент является институтом формирования демократической воли. Однако в этом процессе можно по-разному расставить акценты. Дж.Милль полагает, что функцией парламента является формирование политической воли, которая складывается из соотношения сил, получивших свое представительство в законодательном собрании¹ (большинство). Для М.Вебера парламент является «кузницей» публичных политических лидеров, умеющих находить компромиссы между противоборствующими интересами². У К.Шмитта и Ю.Хабермаса демократический смысл парламентаризма связан, прежде всего, с рационализацией общей воли. Согласно К.Шмитту «парламент – место, где обсуждают, т.е. в дискурсивном процессе, разбирая аргумент и контраргумент, добывают относительную истину»³, по Ю.Хабермасу «смысл демок-

ратических процедур правового государства состоит в том, чтобы институционализировать коммуникативные формы, необходимые для разумного формирования воли»⁴. Таким образом, мы рассмотрим коммуникативные стратегии оппозиционных партий в фокусе их отношения и вклада в формирование общей воли.

Под коммуникативной стратегией мы будем понимать единство целей и средств дискурсивного воздействия на социальную практику. О.Иссерс считает, что «коммуникативные стратегии ... имеют глубинную связь с мотивами (смыслами – прим. И.Ш.), управляющими речевым поведением личности, и явную, наблюдаемую связь, с потребностями и желаниями»⁵. Здесь действует тонкая социокогнитивная логика, о которой писал А.Шюц, – «пока действующий живет в своем проектировании действия, он чувствует себя мотивированным только спроектированным поступком в модусе «для-того-чтобы»⁶, при объяснении же своих действий акторы используют ретроспективную конструкцию «потому-что»⁷. Таким образом, смысл коммуникативного действия, особенно в политической сфере, лучше эксплицировать не только из того, как его обосновывают сами акторы, но исходя из специфических особенностей сложившейся коммуникативной ситуации. В плане интерпретации мотивов важную роль играют дискурсивные средства их выражения. Мы исходим из того, что наиболее сильные мотивы имеют наиболее яркое дискурсивное воплощение.

Если рассмотреть собрания ГД ТО за 2009 г. с точки зрения яркости и политизированности дискуссии, то наиболее показательным будет 33 собрание, которое состоялось 14 ноября в Белом Доме. Несмотря на то, что каждое собрание уникально и коммуникативные стратегии сильно варьируются в зависимости от текущей общественно-экономической и политической

ситуаций, в этом коммуникативном событии был аккумулирован самый широкий спектр стратегий оппозиции. Такой анализ позволит нам лучше судить о том репертуаре дискурсивных возможностей, которым обладают оппозиционные силы в ГД ТО.

Предварительно раскроем в общих чертах расклад сил в ГД ТО. Из 42 депутатов ГД ТО, прошедших в ходе выборов 2007 г., 10 являлись членами оппозиционных партий (3 – ЛДПР, 3 – КПРФ, 2 – СР, 2 – СПС). В настоящее время СПС уже не существует, из ЛДПР исключен один депутат (С.Руденко). Тем не менее, несмотря на малочисленность, оппозиционные партии дают о себе знать в публичном пространстве, как Думы, так и вне нее. Малочисленность не только не размыла, но, наоборот, укрепила партийные идентичности этих партий, представители оппозиционных партий рассматривают себя как барьер против сползания к авторитарной однопартийной системе. Это создает линии напряженности, которые время от времени проявляются в таких дискурсивных событиях, как критика ведения дискуссии на Думе, замечания по поводу партийной ангажированности некоторых решений, в публичных выступлениях относительно общего политического курса правящей партии и др. Под давлением оппозиции правящая партия предоставила возможность создавать фракционные объединения, численностью не менее 2 членов. Это обстоятельство придало новый импульс для развития оппозиционных настроений и более твердой критике правящих сил (учитывая, что «Единая Россия» имеет большинство, достаточное для принятия любых решений на Думе (32 депутата при 22 голосах, необходимых для принятия большинства решений), ее можно называть не просто доминирующей, но правящей силой). Несмотря на упразднение СПС, депутаты, прошедшие от нее, продолжают придерживаться ранее обозначенных партийных ориентиров, но резких политических выступлений не делают. Представители от Справедливой России ориентированы скорее на достижение более высоких результатов на следующих выборах (Г.Немцева участвовала на мэрских выборах, партия проводит регулярные соцопросы и др.), чем на текущую парламентскую деятельность

(в стенограммах заседаний вряд ли увидишь хоть одну реплику с их стороны). Таким образом, область анализа сужается до двух партий, которые демонстрируют свою оппозиционность на заседаниях Думы – это КПРФ и ЛДПР. Позиции данных объединений в Думе выражают Н.Кириллов (наиболее активный парламентарий от КПРФ) и А.Диденко (лидер регионального отделения ЛДПР).

Рассмотрим их заявления, которые по обыкновению, делаются перед обсуждением повестки. Н.Кириллов начал с того, что призвал депутатов принять негласное соглашение по следованию предложениям Президента (из текста Послания ФС РФ), помочь с реализацией его идей на уровне регионального законотворчества. Целями такого шага, на наш взгляд, являются, во-первых, желание ослабить локальные зависимости во властных структурах ТО, во-вторых, стремление обеспечить свободу маневра в законотворческом процессе – ссылки на позицию Президента будут не обязательным, но сильным аргументом в дискуссии. Особенностью дискурсивного воздействия была мягкость тона и подчеркивание неформальности данного соглашения (так как на формальном уровне, т.е. через голосование, оно вряд ли пройдет). Далее он предложил размещать на сайте Думы стенограммы заседаний, что с одной стороны соотносится с линией спикера Б.Мальцева по увеличению информационной открытости работы Думы, с другой – подорвет систему поверхностного обсуждения законопроектов во второй части собрания (ибо отсутствие вопросов и реплик по некоторым, достаточно интересным законопроектам может насторожить посетителей сайта). Главным событием для ЛДПР, о котором решил публично заявить ее региональный лидер, является создание фракции. А.Диденко начал свое выступление с того, что предложил всем желающим вступить в только что созданную фракцию. В фактическом отношении это предложение звучит весьма наивно – во-первых, мало кто (естественно, из одномандатников) захочет перейти от большинства к меньшинству, чтобы потерять влияние, во-вторых, большинство парламентариев ГД ТО имеют гораздо более высокий социальный статус, чем Диденко,

поэтому войти в его фракцию, тем самым, подчинившись его воле, для них немислимо. Но в символическом смысле данное предложение можно ассоциировать с призывом к оппозиционности, который вполне может встретить определенные отклики. Далее политик весьма умело связал общие и пока абстрактные призывы президента к реорганизации региональных парламентов с внутренним состоянием ГД ТО: «сколько мнение оппозиции будет игнорироваться?», даже президент идет с нами на уступки, а ГД ТО и администрация ТО не хотят... В цитированной фразе используется такой прием как литота – на самом деле «Единая Россия» не только декларирует, но и реально делает шаги в сторону увеличения возможностей оппозиции влиять на процесс принятия решений (разрешила фракции, включает членов оппозиции в рабочие группы, предоставляет им право выступить в соответствии с Регламентом и т.п.), но лидер оппозиционной силы сознательно умалчивает об этом для усиления эффекта гипертрофированной модели власти. Последнее предложение, которое прозвучало в заявлении Диденко, состоит в создании ассоциации оппозиционных фракций с целью контролировать законотворческий процесс в ГД ТО. Как я уже отмечал ранее, численность объединенной оппозиции в лучшем случае может составить 10 депутатов. Влиять на принятие законодательных решений в таком составе очень трудно, но выступать в СМИ может даже очень эффективно: объединение нескольких, пусть и небольших сил в информационном пространстве может смотреться не менее весомо, чем одна большая сила. Относительно функциональной роли в парламентском процессе Кириллов выступает за рационализацию, Диденко – за изменение баланса сил между меньшинством и большинством.

Настоящая дискуссия разгорелась по вопросу о внесении изменения в ст. 66 Закона ТО «О муниципальных выборах в Томской области» (в 2-х чтениях). Суть предложения, которое было разработано рабочей группой и озвучено председателем правового комитета, состояло в том, чтобы для малых поселений (менее 100 тыс. жителей) установить квоту для определения победителя выборов в первом туре

в 35%. Аргумент о повышении легитимности и ответственности на местном уровне власти не смог совладать с сомнениями в политическом смысле этого закона. Состоялся такой диалог:

- Кириллов: кому это надо, кому это выгодно?

- Шамин: если Дума проголосовала, то всему народу.

- Кириллов: это демагогия.

Первым вопросом Кириллов вывел дискуссию на политический уровень и следующим замечанием раскрыл попытку дезавуировать эту проблему. Далее Кириллов делал только организационные замечания: на попытку остановить прения ответил: «уже люди записались ведь»; на постановку процедурных вопросов предложил иной порядок, чем Шамин; и несколько раз предложил продолжить обсуждения вместо голосования. Высокая активность привела к тому, что депутат от КПРФ добивался своего. Особенностью этого диалога было то, что он оспаривал неформально приоритетное право Шамина (как председателя правового комитета и зам. Председателя Думы) трактовать Регламент и использовал гул недовольства депутатов попытками закончить обсуждение раньше, чем вопрос прояснится.

Участие Диденко в дискуссии было обусловлено несогласием с трактовкой Шаминым его позиции на рабочей группе. Диденко заметил, что сохранил право на особое мнение, отличное от позиции группы, в то время как Шамин декларировал, что группа после долгих споров сошлась на одной позиции, которая и была озвучена им. Из его выступления не совсем было понятно, что именно отличного от мнения группы он имеет, но мы не будем делать однозначных выводов, оставляя область для более точной интерпретации. Сам факт такого несогласия уже примечателен и весьма неприятен для процесса принятия решений на Думе, поскольку депутаты в основном полагаются на мнение рабочей группы, а оно оказалось недостаточно согласованным. Шамин предоставил слово А.Куприянцу, руководителю фракции ЕР, который призвал доверять решению рабочей группы и прекратить прения по данному вопросу. Но такой подход не устроил депутатов, и обсуждение продолжилось. Примечательно

также, что в своей речи Диденко усомнился в авторитете прокурорского решения, которое большинство депутатов обычно принимают как данность.

Таким образом, критический настрой оппозиции проявил себя в самых разных моментах парламентской дискуссии. Коммуникативные стратегии оппозиции носят как политизированный (стремление изменить соотношение сил), так и рационализаторский (поиск лучшего аргумента) характер, что делает парламентский процесс в ГД ТО разносторонним и качественным.

1. Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении / Перепечатка с издания Яковлева, СПб., 1863.- С.16,72.
2. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (1918) // Политические работы 1895-1919.-М.: Практис, 2003. –С.236-243.
3. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Политическая теология.-М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.- С.207.
4. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992.-С.71.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.-М.: URSS, 2005.-С. 57.
6. Шюц А. Выбор между проектами действия // Избранное. Мир, светящийся смыслом. - М.: РОССПЭН, 2004.- С.120.
7. Там же. С.120-122.

Р.С. Мухаметов

МЕСТО И РОЛЬ «ПАРТИИ ВЛАСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Мухаметов
Руслан Салихович

кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории политической науки УрГУ, доцент МАДИ

Термин «партия власти» прочно закрепился в российском политическом лексиконе. Данный титул поочередно принадлежал таким партийным и общественно-политическим организациям, как «Демократический выбор России» Е. Гайдара (1993), «Наш дом – Россия» В. Черномырдина (1995), «Межрегиональное движение «Единство» С. Шойгу (1999) и, наконец, «Единая Россия» (2003).

Что объединяет все эти политические организации? Основным отличительным признаком такой партии является их генезис. «Партия власти» есть порождение исполнительной власти, кремлевских кабинетов (создается «сверху»), производная бюрократической

деятельности. Специфика «партии власти» состоит в том, что, если в ЕС или США партия, победившая на парламентских или президентских выборах, в зависимости от формы правления, определяет состав и политику правительства, то в России, наоборот, т.е. исполнительная власть формирует партию. Именно это отличает исследуемую нами партию от правящей.

Другой отличительной чертой является то, что «партии власти» – это не реакция на спрос идейно-политического рынка. Это порождение рынка административно-бюрократического, вынужденного адаптироваться под идейно-политическую среду, пользоваться языком парламентской демократии. Таким образом, «партия власти» – это организационно оформленная политическая структура, создаваемая правящей элитой не просто для участия в парламентских выборах, а для обеспечения господства в Государственной думе. Функция партии власти в Государственной думе сведена до легализации (вотирования) решений президента и исполнительной власти. Эта партия *post factum* ободряет все спущенные «сверху» законопроекты. Таким образом, можно говорить о второстепенной роли партии власти в подготовке и принятии политических решений.